УДК 821.511.131
ББК 83.3(2=664.1)

УДМУРТСКАЯ ПОЭЗИЯ
РУБЕЖА XX–XXI ВВ.:
ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ И ОБРАЗНЫЕ
МОДИФИКАЦИИ

© 2019 г. В.Г. Пантелеева

*Научно-исследовательский институт
национального образования, Ижевск, Россия*

Дата поступления статьи: 15 января 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309

Аннотация: Рубеж веков привел к рождению поэтических структур, с одной стороны, обнажающих мифопоэтические традиции и генетическую прапамять об исторической судьбе этноса, а с другой — соответствующих современным тенденциям отечественной и европейской литературной моды. Основное внимание в статье уделено анализу творчества М. Федотова, Э. Батуева, С. Матвеева, З. Рябининой, А. Шумиловой — поэтов, отличающихся индивидуальным почерком, новой стилистикой, деконструкцией образных решений и поведенческих стереотипов, но объединенных тенденцией выражения кризисности мироощущения своего поколения. Новизна поэтического слова проявляется в лаконизме форм выражения лирического мирозерцания и в изменении образного рисунка, стилистической тональности стихотворного текста. Налицо проявления коренных модификаций современной версификации: это максимальное использование возможностей звука, знака, синтаксиса или намеренная трансформация поэтической строфики и пунктуации. На образно-стилевом уровне поэтическое слово становится полисемантическим, иронично-публицистичным, нарочито агрессивным, осязаемо просторечным. Современная удмуртская поэзия нуждается во множественности исследовательских прочтений и интерпретаций текста, вобравшего в себя традиционный этнокультурный код, опыт русской и европейской, в том числе финно-угорской, литератур и новейшие явления медийной культуры.

Ключевые слова: современная удмуртская поэзия, постмодернистская поэтика, литературный этнофутуризм, стилевая и образная модификация, этнокультурный код.

Информация об авторе: Вера Григорьевна Пантелеева — кандидат филологических наук, доцент Удмуртского госуниверситета, заместитель директора, Научно-исследовательский институт национального образования, ул. М. Горького, д. 73, 426051 г. Ижевск, Россия.

E-mail: panvera@inbox.ru

Для цитирования: *Пантелеева В.Г.* Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв.: жанрово-стилевые и образные модификации // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4, № 1. С. 286–309. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

UDMURT POETRY OF THE LATE 20th AND EARLY 21st CENTURY: TRANSFORMATION OF GENRES, STYLES, AND IMAGES

© 2019. V. G. Panteleeva

*Scientific Research Institute of Ethnic Education,
Izhevsk, Russia*

Received: January 15, 2019

Date of publication: March 25, 2019

Abstract: The turn of the 20th and 21st centuries has fostered the emergence of poetic patterns that reveal mythopoetical traditions and genetic memory about the nation's historical destiny as well as models that correspond with the current tendencies in Russian and European literature. The article mainly focuses on the poetry of M. Fedotov, E. Batuev, S. Matveev, Z. Riabinina, and A. Shumilova, poets who are different in their manner and style but have one feature in common: they all share the crisis mentality of their generation that effaced the dramatic turn-of-the-century collisions. New Udmurt poetry features laconic aesthetic forms and transformation of imagery and stylistic modality in poems. The ultimate use of means provided by phonetics and syntax of the language, and intentional transformation of stanza structure and punctuation represent the fundamental modification of modern versification. Poetic styles and symbols have become polysemantic, ironic, explicitly aggressive, and conspicuously colloquial. Modern Udmurt poetry requires a variety of research approaches and interpretations since it encloses traditional ethnic and cultural codes, the heritage of Russian, Finno-Ugric, and European literature, and the recent phenomena of the media culture.

Keywords: modern Udmurt poetry, postmodernist poetics, literary ethno-futurism, stylistic transformation, transformation of images, ethnic and cultural codes.

Information about the author: Vera G. Panteleeva, PhD in Philology, Associate Professor, Udmurt State University, Deputy Director, Scientific Research Institute of Ethnic Education, M. Gorkogo 73, 426051 Izhevsk, Russia.

E-mail: panvera@inbox.ru

For citation: Panteleeva V.G. Udmurt Poetry of the late 20th and early 21st century: Transformation of Genres, Styles, and Images. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 286–309. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309

Литературный «рубезж» хронологически вмещает чуть больше трех десятилетий века минувшего и нынешнего. На стыке эпох поэтический дискурс нагляднее и динамичнее по сравнению с другими родами литературы отражает репрезентативные черты происходящих социокультурных трансформаций. В удмуртской поэзии, с одной стороны, наблюдается стремление к преодолению устоявшихся стереотипов, выработанных фольклорно-формульной традицией и нормативной эстетикой советской поры, а с другой — попытка сохранения этнического идентитета «малого» народа в условиях глобализации на фоне навязываемой системы ценностей, эстетических и идеологических модификаций новейшего времени.

Три десятилетия, по Б. Эйхенбауму, — это время параллельного творчества примерно трех поколений поэтов: «Десять лет — цифра сакральная: именно столько дарит судьба каждому поколению. Потом приходит “племя младое” — и начинается сложная, иногда трагическая, борьба двух соседних поколений» [35, с. 75]. В нашем случае на стыке веков очевидна смена художественных парадигм двух поколений удмуртских авторов: атмосфера творчества середины 1980-х — 1990-х гг. отличается от поэтического климата 2000-х — 2010-х гг., когда в новейший литературный процесс влились поэты постсоветской формации.

Общая динамика «пограничной жизни», убыстряя смену литературных поколений и стратегий, стремительно обновляет поэтический континуум, в котором переплетаются этнокультурные и лирические традиции XX в., экспериментаторство в области формы и языка, обогащение образной системы расширяющимся контекстом. Очевидна «продуктивная борь-

ба устоявшихся и нарождающихся смыслов» [23, с. 230] отдельных поэтических структур и авторских идиостилей.

Середина 1980-х — 1990-е гг. Этот срез удмуртской поэзии уже достаточно изучен [1; 9]. Несмотря на разночтения в исследовательских целях, авторы сходятся в одном: это период переходный, знаменующий смену поэтического художественного сознания в направлении от соцреализма к постмодернизму. Появились попытки теоретического осмысления поэтических практик: одни ученые акцентировали внимание на проблеме «неомифологизма» в удмуртской литературе [9; 10; 11], другие актуализировали интерес к этнофутуризму как «инварианту мирового постмодернизма» [28, с. 259]. Самым последовательным и продуктивным в этом направлении исследований стал удмуртский поэт и литературовед В.Л. Шибанов [29; 30; 31; 32; 33].

Термин «этнофутуризм», как обозначение локальной культурно-эстетической программы, возник в недрах западного финно-угорского литературно-художественного течения в конце 1980-х гг. «У его истоков стояли южно-эстонские поэты Каукси Юлле, Карл-Мартин Синиярви, Свен Кивисилдник, а также американский художник эстонского происхождения Кадев Марк Костаби» [13, с. 3].

В 1998 г. в Ижевске состоялась II конференция финно-угорских этнофутуристов Европы и России. Событие было ожидаемым, так как с момента зарождения идеи этнофутуризма удмуртский литературный климат из всех российских финно-угорских регионов оказался самым благоприятным и подготовленным для его «пересадки» на свою почву. Ключевую роль здесь сыграли два момента. Первый связан с начавшейся демократизацией общества — снятием с республики в середине 1980-х гг. грифа «секретности». Удмуртия в целом и ее столица, как город-завод военно-промышленного комплекса, весь послевоенный советский период функционировали в закрытом режиме. Удмуртские авторы, находясь в культурной изоляции, «варились» в узком коридоре избитых тем, мотивов и образов. Когда «оковы рухнули», в республику зачастили эстонские и финские культуртрегеры, зараженные «вирусом» этнофутуризма.

Вторая причина социально-биографическая: все удмуртские писатели XX в. — выходцы из деревни, имеющие глубокие многовековые крестьянские корни. Общность происхождения подводит к общности их художественных мировоззренческих установок, в основе которых лежат такие

принципы, как гражданственность, трудовая нравственность, любовь к земле, ориентация на фольклорную поэтику.

Можно утверждать, что на всем протяжении XX в. удмуртскоязычной городской литературной среды не существовало, дискурс национальной литературы развивался исключительно в контексте деревенской идентичности или почвенного направления, для которого приверженность к патриархальной природной архетипической традиции, ее образам и символам являлась доминантной. Именно эти поэтические меты, по мнению исследователей, являются главными концептами литературного этнофутуризма. «Этнофутуризм — это передача нового содержания в архаической форме или передача архаического содержания в новой форме. Оппозиции: патриархальная деревня — индустриальный город, прошлое — будущее. На стыке этих двух начал и образуется жизненная энергия» [28, с. 267].

Тема-образ «деревня» в удмуртской литературе являлась главной с момента ее зарождения. Метафорично высказывание венгерского литературоведа П. Домокоша: «Три “вечнозеленые” темы советской, точнее, всех советских литератур — “деревня”, “промышленность”, “революция” — определяют удмуртскую прозу со времени ее начала по сегодняшний день. Деревня стоит на первом месте, удмуртская жизнь на протяжении веков была крестьянской, удмуртские писатели в деревенской среде чувствуют себя увереннее» [8, с. 378]. Цитату подкорректируем в том плане, что сказанное соотносится не только с прозой, но и всей удмуртской литературой.

Таким образом, удмуртская литературная ситуация в середине 1980-х — начале 1990-х гг. оказалась в состоянии полного совпадения «спроса и предложения» на вызовы времени. В литературу ворвалась плеяда новых поэтических имен, жаждущих перемен: Михаил Федотов, Петр Захаров, Виктор Шибанов, Сергей Матвеев, Рафит Миннекузин, Лидия Нянькина, Люза Бадретдинова, Эрик Батуев и др.

Конструктивна точка зрения, согласно которой удмуртский поэтический этнофутуризм представлен двумя направлениями: прозападной ветвью, ориентирующейся на поэтику постмодернизма (Э. Батуев, С. Матвеев, Л. Нянькина), и ветвью, направленной на воспроизведение самобытного национального видения этноса (П. Захаров, Р. Миннекузин, М. Федотов) [11].

Не вдаваясь в детальный анализ поэтических систем каждого автора, мы полагаем, что принципы этнофутуризма, «как определенного миро-

воззрения и соответствующего типа жизненного поведения» лирического субъекта [27, с. 29] или как «природосообразности мироустройства этноса, идеи вечного возвращения к своим истокам» [21, с. 21], присущи творчеству трех поэтов рассматриваемого периода: П. Захарова, Р. Миннекузина и М. Федотова¹. При этом эмоционально и интеллектуально, эстетически и стилистически лишь поэтическое творчество последнего автора выражало в полной мере поэтику этнофутуризма. Хотя нельзя не согласиться с мнением, что «его поэзию вряд ли целесообразно считать энциклопедией этнофутуризма» [11, с. 22], поскольку его мифопоэтический опыт шире одного только направления и требует более обширного комментария и комплексного анализа в контексте литератур народов Поволжья и Приуралья.

М. Федотов (1958–1995), за пять лет издав три поэтических сборника («Тоды юсьёс берто / Белые лебеди возвращаются», 1986, «Берекет / Желая добра», 1988, «Вось / Боль», 1991), в середине 1990-х по причине болезни преждевременно ушел из жизни в магическом для поэтов возрасте 37 лет².

Формально он меньше всего был связан с этнофутуризмом и меньше всего желал быть знаковой поэтической фигурой этого движения. Ему в принципе была чужда позиция хождения в строю. Позиционировал себя первым бесермянским поэтом³ и сотворил личностный культурно-поэтический код, во многом автобиографический, по которому сегодня можно судить о напряженности его духовного диалога с предками-бесермянами и погружении в культуру, историю и судьбу бесермянского этноса: «Кинтьёс бызьыло вирьёсын? / Кытысь мон таче бесерман? = Кто бегают в моей крови? / Откуда я такой — бесермянин?»⁴ [25, с. 19].

1 Р. Миннекузин, издав в 1995 г. дебютный сборник «Берпумети пыдйылчи / Последний путник», вскоре отошел от литературной деятельности и не успел упрочить свои позиции в качестве этнофутуриста. П. Захаров, будучи редактором молодежного двуязычного журнала «Инвожо», на наш взгляд, больше преуспел на ниве продвижения идеи этнофутуризма и на поприще драматургическом, чем поэтическом.

2 Вспоминается известная реплика А. Ахматовой на вопрос «Какова была биография Мандельштама?». Ее ответ: «Для поэта — идеальная» — предполагает, что вся автобиографическая канва жизни поэта, несомненно, влияет на его творчество.

3 Бесермяне — малочисленный финно-угорский народ в России, проживающий на северо-западе Удмуртии. Численность по переписи 2010 г. — 2201 человек. Говорят на особом наречии удмуртского языка, морфологически близком к северным говорам удмуртского языка, а фонетически — к южным, не имеют письменности. М. Федотов известен и как автор научных работ о языке, культуре и этногенезе бесермян.

4 Здесь и далее, где не указаны переводчики, подстрочные переводы мои. — В.П.

Его поэзию условно можно разделить на раннюю и позднюю. Для лирического «я» начального периода характерно лирико-драматическое мироощущение, интонационно соотносимое с общим контекстом удмуртской поэзии реалистической волны с ярко выраженным пантеистическим природно-пейзажным началом. Вектор его пути можно обозначить одним лаконичным словом — уход. Сначала это — уход из цивилизации в первозданную природу, из города — на родину, в деревню, в отцовский дом, символизирующие собой гармоничные устои древней земли предков — бесермян. «Его “выбрасывала” городская цивилизация, в целом жесткая и жестокая по отношению к удмуртам. Очевидно, что природные образы стали основным выразительным средством поэтики, поэзии раннего М. Федотова» [1, с. 79]. Сквозными являются традиционные древесные образы (в том числе «нълпу / пихта» — священное дерево бесермян), образы птиц, космические — земля, небо, солнце, горизонт. Природно-деревенский хронотоп неизменно привязан к образу «рубленный дом», который ассоциируется с «колыбелью».

Глубокой семантической коннотацией наделен образ «дороги-пути», символизирующий нравственные искания и духовный рост лирического субъекта, его путь-возвращение (=уход) не только на свою историческую родину, но и к самому себе. В большинстве случаев образ дороги/пути наделен его древнейшей семантикой: дорога как связь между сферами мироздания, как путь в первозданность, началу начал: «Мынам юртэ — йылтэм-пумтэм сюрес...= Мой деревянный дом — дорога без конца и края...» [25, с. 101].

Итоговый сборник «Вось», который озаглавлен омонимистической лексемой и имеет двоякое толкование «Боль / Моление», с первой страницы пропитан трагическим душевным изломом лирического субъекта (и автора): сквозной становится тема душевной и физической боли («Озы со висёнэ, восе мынам зоре...= Так моя болезнь, моя боль льется дождем...») [25, с. 25] и тема пути как избавления от боли и перехода в инобытие, для обозначения которого используется словообраз «мукет шаер / край иной».

Один из разделов сборника озаглавлен «Мон городысь кошко уйшор уин = Я из города уйду в самую полночь», и теперь мотив ухода коррелирует с размышлениями о потустороннем мире, загробной жизни, смерти. Лирический субъект однажды скажет: «Мон кошкисько та улонысь = Я ухожу

из этой жизни...» [26, с. 77]. И если в ранний период творчества способом преодоления одиночества, отчуждения и дисгармонии в авторском мировоззрении являлась «идея возвращения к своим истокам», то теперь потенциал «катарсиса» исчерпан. В одном знаковом для данного периода стихотворении поэт актуализирует образ дома как «последнего уголка / берпум сэрег» и выносит приговор времени «Дунне кезьыт но мон кадь сьолыко... = Мир холоден и грешен, как и я...» [25, с. 22]. Таким образом, жизненный путь лирического «я» (и автора) символически исчерпывает себя: им пройден путь от «колыбели» до «последнего угла».

Образная оппозиция «город — деревня» в лирике М. Федотова доведена до той катастрофической черты, когда герой ежеминутно ощущает себя «между хаосом и космосом» [15]. Попытка обрести в мире Хаоса-города что-то позитивное, жизнеутверждающее не венчается успехом. Чуждый урбанистический мир приобретает вполне конкретные образные очертания: город — это «лисий хвост» заводских труб, уродливость «одноглазого вокзала». Но суровая реальность заключается в том, что весь мир конца XX в. «холоден и грешен», и утрачена природосообразность мироустройства: жизнь превращается в иллюзию: «Сыче кема пояз монэ улон... = Так долго жизнь обманывала меня...» [26, с. 76]. Возможно, героя с таким трагическим мироощущением в удмуртской поэзии не было со времен Кузубая Герда⁵.

С точки зрения литературного генезиса самобытная и новаторская поэзия К. Герда 1920-х гг., без всякого сомнения, является предшественницей всех последующих художественных практик на удмуртском языке, в том числе и современных поисков образного самовыражения этнической и личностной идентичности. Его выстраданное поэтическое творчество органично прочитывается в контексте этнофутуризма, поскольку никто из его поколения первых удмуртских литераторов столь страстно и определенно

5 Кузубай Герд (Кузьма Павлович Чайников, 1898–1937) — удмуртский поэт и прозаик, драматург и переводчик, ученый-фольклорист и этнограф, лингвист и критик, педагог и крупный общественный деятель, стоявший у истоков удмуртской литературы советской поры. В 1922–1925 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова в Москве, в 1926–1929 гг. был аспирантом НИИ этнических и национальных культур народов Востока (научный руководитель — академик Ю.М. Соколов). Автор трех поэтических сборников, нескольких книг прозы и пьес, учебных изданий. Репрессирован в 1932 г., расстрелян в 1937 г. на о. Соловки.

не хотел создать интеграции и преемственности между прошлым, настоящим и будущим, как он. В своем программном стихотворении 1916 г. (второй вариант — 1923 г.) «Ми гырьськом / Мы пашем» К. Герд писал:

<...> Мы сеем и сеем...
 А жать подспеют за нами другие —
 Может быть, свяжут в снопы тугие,
 Может быть, стопчут посевы благие...
 Пусть!
 Мы сеем и сеем...

(Автоперевод) [7, с. 216].

Первоначальный вариант стихотворения с названием «Кизисьлы / Сеятелю» недвусмысленно отсылал читателя к «Сеятелям» Н.А. Некрасова, сорокалетие издания которого как раз отмечали в 1916 г. Гражданский пафос творчества русского поэта был близок К. Герду, в собственной поэзии он дополнительно наделяется коннотацией этнонационального, как доминантной художественной ценности в процессе становления литературы. Страстность гражданской лирики К. Герда во второй половине XX в. была подхвачена лучшими удмуртскими поэтами, среди которых был и М. Федотов, увековечивший имя и трагическую судьбу своего предшественника в стихотворении «Герд»⁶: «Ыбизы но — оз пертчиськы герд. / Уката герзаськиз юан пус = Расстреляли, но — не развязался узел. / Еще ту же завязался вопросительный знак» [25, с. 23]. В таком контексте поэзия современных удмуртских поэтов — не только бросок в будущее, но и бросок с возвратом опыта прошлого, попытка «развязывания вопросительного знака» времени, поколения, культуры.

Когда Ю. Тынянов писал, что «смерть Блока была слишком закономерной» [24, с. 169], он говорил о предначертанности и предназначении отдельной поэтической судьбы, как эпохи в истории литературы. Блок умер на закате символизма и с этой точки зрения исчерпал свой поэтический дар. В этом, литературном, смысле «закономерной» представляется и преждевременная смерть М. Федотова — его уход знаменовал собой гибель поко-

6 Псевдоним «Герд», выбранный поэтом, с удмуртского языка буквально переводится как «узел».

ления последних удмуртских поэтов советской поры. Но «умер живым», без перепроизводства «мертвых текстов» [19, с. 158] еще один удмуртский поэт, Эрик Батуев (1969–2002). Его трагическая смерть завершила творчество поколения 1990-х гг.

Э. Батуев успел издать три сборника («Гольык / Обнаженность», 1995, «Улонэн артэ ветлэ вужер / Тень моей жизни», 1996, и «И по венам из сердца уходит любовь...», 2000), в аннотации ко второй книжке позиционировал себя постмодернистом.

Художественное сознание поэта во многом сформировалось в стенах факультета журналистики МГУ, который он закончил в середине 1990-х гг., и в коридорах московской профессиональной аналитической журналистики⁷ и неформальных музыкальных тусовок. Смотрел на жизнь одновременно глазами публициста и поэта: его стихи как пружины — лаконичные, сжатые до предела по мысли и форме, но готовые стрельнуть в самое сердце:

Я слеп очми. И, может, потому
я зряч душой и осязаньем плоти...
Уйду к окну. Забудусь. Потому
в безмыслии, усталости, дремоте
открою створки. То ли рассветет,
а то ль — заря за тьмою не затлеет?..
Пронзительно черемуха цветет!
И с нею слепота моя светлеет.

(Пер. А. Демьянова) [5, с. 39]

Поэзия Э. Батуева априори немифологична, в ней до крайности минимализирована устоявшаяся природно-пейзажная образность — такая поэтическая практика ранее была неведома удмуртской словесности. «Постмодернистская дискредитированность априорных поэтических ценностей в первую очередь коснулась пейзажа: несмотря на то что в современной

7 В 1993–2002 гг. Э. Батуев работал спецкорреспондентом по «горячим точкам» и межнациональным проблемам в газете «Аргументы и факты» (при редакторе В. Старкове), корреспондентом-международником в военном отделе в газете «Московский комсомолец», парламентским корреспондентом в «Московских новостях», печатался в журнале «Новое время». В качестве военного журналиста исходил всю Чечню и Северный Кавказ, побывал в Палестине, Израиле, Афганистане, Турции, Таджикистане, Косово и др.

поэзии ландшафт продолжает быть неистощимым источником метафорических аллюзий, пейзаж все более становится средством, инструментом, антуражем, перестает быть самостоятельной доминантой поэтической речи» [12, с. 410].

Процесс «свертывания» пейзажных лирических зарисовок, начавшийся в середине 1990-х гг., в дальнейшем станет необратимым в удмуртском поэтическом дискурсе. Жанровые модификации в области традиционной «книги природы» повлияют и на семантическую наполненность ее образной ткани. Так, например, хронотоп «деревня» с его фольклорно-формальными образами постепенно утратит резкую оппозиционность по отношению к «городу» и практически уравнивается с ним в смысловых кодах или приобретет ассоциации легкой ностальгии по навсегда утраченному и невозвратному. В поэзии Э. Батуева Ижевск по отношению к Москве локализуется «малой родиной» и наделяется позитивной смысловой коннотацией (стихотворение «Дор / Родина»).

Теоретики постмодернистской поэтики как одну из ее составляющих выделяют интертекстуальность и фаллологоцентризм [22], хотя отношение научного сообщества к таким установкам неоднозначное. Между тем нельзя не признать, что в условиях кризисности мироощущения обновление художественного поля так называемой «запретной темой» или «чернухой» (эротика и секс, суицид и неустроенность быта и др.) возникает в ситуации устремленности авторов к повышенной интертекстуальности и заинтересованности в эпатаже. Удмуртская поэзия не исключение.

Поэтический взгляд Э. Батуева обращен к миру, эта поэзия экстравертна. Его творчество шире рамок одного литературного течения, одной национальной культуры, одного языка: при желании поэт мог бы свободно перейти на русскоязычное творчество, доказательством чего является его русскоязычная публицистика и проза, изданная посмертно в двух томах [3; 4]. Сущностью его поэзии является размывание всяких границ: географических, этнопсихологических, этнокультурологических. Его лирика — образец интертекстуальности в том хрестоматийном значении, когда поэтический текст соприродно является «аббревиатурой высказываний» [6, с. 302], когда в его «каждом слове — голоса иногда бесконечно далекие, безымянные, почти безликие, <...> и голоса близко звучащие» [6, с. 320]. В таком контексте любопытны, например, его стихотворения-посвяще-

ния: одно с цитатным названием-строчкой «The Show Must Go On» из хита Фредди Меркьюри посвящено легендарному джазмену; «Корка-блюз / Дом-блюз» имеет посвящение «Петру Мамонову»; два текста посвящены Сальвадору Дали («Яблоку возын толалтэ / Возле яблони зимой» и «Сальвадор Далия / По Сальвадору Дали. Посвящение № 2»).

Стихотворения-посвящения, выполняя в структуре лирической системы двойную функцию (внелитературную и художественную), указывают, с одной стороны, на реальные факты биографии поэта, а с другой — помогают правильно понять его творческие стратегии и философию жизни: симпатии, антипатии, мировоззренческие и эстетические установки. Обозначенные выше тексты Э. Батуева теснейшим образом переплетаются с авторскими экзистенциальными ценностями и художественными устремлениями в период его творческого становления. В связи с этим авторское слово неизбежно становится «двухголосым», по определению М.М. Бахтина, и интертекстуальным, по определению постмодернистской теории, отражающим одновременно семантическую «ауру» потенциального собеседника и свою собственную.

Разговор о поэтических модификациях Э. Батуева будет неполон без указания еще, как минимум, трех привнесенных им в литературу новаций. Во-первых, любопытно его экспериментаторство в области поэтической формы (графики, знака, синтаксиса) и жанра (например, кылбуроман, букв. «стихороман»). Дебютный сборник 1995 г. он начинает стихотворением, визуально и семантически намеренно эпатуруя консервативного, воспитанного в духе советской морали, удмуртского читателя:

МОН тон азын ГОЛЫК

МУГОРЫН.

Тон эн утча диськутьёсме.

МОН тон азын ГОЛЫК

СЮЛЭМЫН...

Я перед тобой ГОЛЫЙ

ТЕЛОМ.

Ты не ищи моих одежд.

Я перед тобой ГОЛЫЙ

СЕРДЦЕМ... [2, с. 5].

Собственно, эпатажно уже название сборника — «Гольык», которое автор перевел как «Обнаженность», но внимательный читатель узрел в этом слове другой потайной смысл, коррелирующий со значением французского «Ню». Э. Батуев привнес в удмуртскую лирику ароматы эротизма, плотской любви-страсти. Вопросами физиологии пола его лирический субъект интересовался больше, нежели мечтами о будущем или романтическими воспоминаниями о прошлом.

И, наконец, Э. Батуев тематически и образно расширил границы удмуртской поэтической «географии»: его стихотворения «Рим», «Венецианские глаголы» соседствуют с циклом стихотворений «Чечен суредьёс / Чеченские картины», навеянным его журналистскими командировками в военную Чечню в середине 1990-х гг.

Ни один удмуртский поэт ранее не писал и не размышлял о Кавказе — о совершенно «не-удмуртской» теме, как, впрочем, и о Париже. В образной галерее удмуртской поэзии впервые этот «не-удмуртский» город появился в творчестве Сергея Матвеева, представителя второго поколения удмуртских поэтов рубежного периода.

Поэзия 2000-х — 2010-х гг. Формально с учетом биографических данных лирику С. Матвеева (1964) можно рассматривать в контексте литературы 1990-х гг.: свои первые сборники он издал в 1991 и 1994 гг.: («Мылкыд / Настроение» и «Лул / Душа»). Однако ключевыми для понимания авторской картины мира являются его последующие сборники: «Чурыт пус / Твердый знак» (1999) и «Инсьор портмаськонтьёс / Космические мистерии» (2012).

Лирический герой поэта — натура сложная, ищущая ответы на «проклятые вопросы» бытия. Он непредсказуем в мыслях и поступках, распределен противоречиями собственного «эго» и социального мира. Наивный романтик и холодный эгоист, крестьянский сын и упоенный городской свободой человек творчества, ценитель нравственных устоев деревенского быта и развращенный современными соблазнами человек нового тысячелетия. Кажется, что одиночество, абсурд и парадокс — условия существования лирического «я» С. Матвеева: «Дунне — со мон, нош мон — дунне... = Мир — это я, а я — это мир...» [16, с. 112]. Абсурдность современного миропорядка, начинающийся с культивируемой свободы, намеренного эпатажа, игры, проявляется в заигрываниях с богом, который может предстать или в

образе судьбы, или друга. Более того, лирический герой однажды восклицает: «Мон Инмар ачимлы!=Я сам себе бог!..» [16, с.103].

Вышеназванная установка, которую можно определить и как психологический постмодернистский «нарциссизм» [22, с. 315], становится идеологемой всего творчества поэта. Стихотворение «Ъ (твердый знак)» из одноименного сборника построено по канонам «лирического театра», и в «ролевой игре» лирического «я» проглядывает автопортрет:

Я — твердый! Слышите? И — точка!

Я — ангел книзу головой.

.....

Я знаю: гордый и негордый —

все канут в мрак небытия...

Я не виновен в том, что — твердый.

Такая в жизни роль моя...

(Авторизованный пер. В. Емельянова) [17, с. 89].

Исследователи, рассматривая лирику С. Матвеева в контексте постмодернизма [1; 26], обращают внимание на ее повышенную интертекстуальность, насыщенность европейским культурным кодом: «В поэтическом творчестве автора проявляется стремление быть / стать “удмуртским европейцем”» [1, с. 320]. На это наталкивает ряд внешних и контекстуальных признаков: обилие «культурогенных» имен (Г. Миллер, С. Цвейг, Г. Маркес, Б. Виан, Ф. Кафка, М. Пруст, Э. По, П. Гоген), цитат-эпиграфов, уточняющих примечаний, внутритекстовых апелляций к интеллекту читателя. В этом ряду и его поэтизация Парижа: циклы стихотворений в двух последних сборниках навеяны путешествием поэта во Францию. Французские сюжеты удмуртского автора двухуровневые: Париж «литературный» коммуницирует с Парижем «архитектурным», но в целом в сознании лирического субъекта «самый культурный» город мира визуализируется как обманутое ожидание, по аналогии с Ижевском он «серый»: «Париж — пурьсь, сыче пурьсь...= Париж — он сер, безумно сер...» [18, с. 247].

Поэзия С. Матвеева требует глубокого осмысления, сегодня можно констатировать, что дискурс его поэтического мира пластичен и шире постмодернистских канонов. В современной удмуртской поэзии, пожалуй, ему

нет равных по культуре классического стиха и дерзости поэтической мысли: об этом свидетельствует и включенный в «Космические мистерии» раздел «Хокку» с удмуртскими текстами.

В рассматриваемый период литературный процесс расширился творчеством новых женских авторов. Наряду с именами Л. Бадретдиновой, Л. Нянькиной, поэтический «круг» окреп голосами Л. Мардановой, З. Рябининой, Н. Пчеловодовой, Л. Ореховой, О. Трониной, А. Шумилова.

Эволюционировал характер лирической героини. Традиционно-этнический женский «поведенческий стереотип» (робость, терпимость, жалость), характерный для поэзии советской поры, трансформировался в универсальный поэтический стереотип начала XXI в.: теперь лирические субъекты сильные и волевые (Л. Бадретдинова, З. Рябинина), раскованные и дерзкие (Л. Нянькина, О. Тронина, М. Пахомова), высокоинтеллектуальные (А. Шумилова). И хотя семантическая природа новейшей удмуртской женской лирики во многом осталась неизменной, в ней по-прежнему доминирует любовная линия, и по-прежнему любовь «не рифмуется» со счастьем, между тем меняется интонационная тональность отношения лирической героини к объекту любви: от возвышенного «Вы» (Л. Бадретдинова) до иронично-будничного партнерства (З. Рябинина, А. Шумилова). В поэзии последних в обрисовке метапоэтических образов любви явно актуализирован феминистский подход, базовые гендерные представления лирического «я» расходятся с традиционными.

Новизна поэтического слова проявляется и в необычных формах выражения лирического мирозерцания, и в расширении полистилистики. Современная версификация максимально приближена к европейской: классический стих замещается нерифмованным стихосложением, намеренно трансформируется графика, строфика и пунктуация, исчезают прописные буквы (Л. Орехова, Л. Марданова, Н. Пчеловодова, А. Шумилова). На стилевом уровне поэтическое слово становится все более публицистичным, нарочито агрессивным (З. Рябинина):

Удмуртъёсылы

Улэп на удмуртъёс дунне вылын —
 Асьме выжы вить сю сюрслэсь ятыр.
 Ачим но гожъясько тани утыр

Тау Инмарлы, эшшо — анай кылын.
Но гажанэ шорам вазе «Привет!»
Пие синмаськемын зуч нылашлы.
<...>
Выль вакытысь лыдьян-чотан — лек пурт:
160 сюрс муртлы синэм удмурт!!!
...Мон, жаяса асме, нуны ворди одиг,
Нош табере калык потэ ожыт.

Моим удмуртам

Еще живы на земле удмурты —
Нас в мире больше пятисот тысяч.
Еще пишу сама я
Инмаре, спасибо — на родном языке.
Но милый обращается «Привет!»
И сын влюблен в русскую девушку.
<...>
И перепись населения теперь — острый нож:
Удмуртов уменьшилось на 160 тысяч!!!
...Я, жалея себя, родила одно дитя,
А теперь вот народу не хватает [20, с. 8].

3. Рябинаина впервые создала в удмуртской женской лирике поэтический месяцеслов, но, в отличие от поэтов-мужчин⁸, ее женский взгляд замечает в 12 месяцах года не внешние приметы природы и погоды, а детали, эмоции, воспоминания, запахи встреч, разлук, ожиданий и любовных томлений.

Интересно творчество Анастасии Шумиловой (1991) — поэта, блогера, журналиста и переводчика, владеющего рядом европейских языков, как проявление ярко выраженной самодостаточности современной удмуртки, но и некий маркер демократизации, глобализации общества и атрибут электронной культуры, в целом присущей XXI в.

8 Речь о поэтическом месяцеслове Флора Васильева «12 месяцев»: стихотворения в формате единого цикла опубликованы в 1980 г. в посмертном сборнике поэта «Ойдо вераськом» / «Давай поговорим». Объединяющим началом служит крестьянское мировоззрение Ф. Васильева, народно-аграрная среда с ее древней системой исчисления времени, связанная с выполнением крестьянских дел, из года в год сопутствующих тому или иному месяцу.

Она автор двух поэтических сборников: «Дыр-эктон / Пляска времени=Дрожь» (2015) и «Ку / Кожа» (2018). В литературу ворвалась как бы вдруг и ниоткуда: без периода ученичества, предыстории с газетно-журнальными подборками в местной периодике, но сразу — зрелыми стихами в целно выстроенном сборнике «Дыр-эктон»:

Идентификация

а просто я невелика,
я в целом мире лишь
пшеницы горсть со дна мешка,
на дне реки — голыш,
плывущий по реке листок,
осиновый, седой.
нырнувший за жуком чирок —
лишь попка над водой.

<...>

я — нерассказанный рассказ,
я — незалеченный недуг
и прялка сломанная я,
я и тюрьма без вора,
несушка не несущая,
зарезут скоро...
а просто я невелика,
а мир совсем не мал,
и по крупицам на века
меня он раскидал.
(Пер. Е. Коробковой) [34, с. 8].

Дискурс этой поэзии выстроен на основе культуры предшествующих эпох и в этом плане является дописыванием уже начатых поэтических текстов Э. Батуева и С. Матвеева в процессе поиска собеседников, способных с полуслова понять и принять речитатив лирического «я» и вступить в диалог. В собеседники выбраны весьма достойные мужи самых разных стран и веков — от Платона, Г. Аполлинера, П. Гогена, А. Чехова до И. Бродского и Л. Лосева. В этой солидной компании лирическая героиня держится на

равных, поскольку она начитанна, полиязычна, критична и по-мужски иронична/самоиронична.

Стихи А. Шумиловой — это свободные стихи, но не в значении поэтической дерзости и свободы применительно выражения любовного чувства. В случае с А. Шумиловой речь идет о свободе иного порядка — как атрибуте электронной культуры XXI в., взрастившей новое поколение удмуртских поэтов, непринужденно «жонглирующих» с рифмой, строфикой, пунктуацией, семантикой слов. В этом смысле «свободный стих» А. Шумиловой воспринимается как явление медийной идеологии и эстетики этносаундтрека, как звукоследа нескольких культур [14]. В таком контексте ее стихотворная реплика-эмоция «ах, воштйським ми, Ашальчи... = ах, мы изменились, Ашальчи...» [34, с. 3], как бы случайно адресованная первой удмуртской поэтессе Ашальчи Оки (1898–1973), является поэтической аксиомой.

Следует обозначить два аспекта, связанных с идиостилем автора: во-первых, видно стремление к прозаизации поэтической речи, а во-вторых, увлечение поиском внутренних резервов удмуртского языка. В прозаизации поэтического текста априори усматривается дань современной европейской поэтической культуре, чуть опосредованно — стилистике и манере письма И. Бродского. Но идиостиль А. Шумиловой нельзя свести к простому подражанию, ибо ее поэтические тексты гармоничны в плане соотношения лучших удмуртских слов в лучшем порядке. Слов, к сожалению, уже исчезающих из лексикона молодого поколения удмуртов:

мон чышкем такалэн **зуг гонэз** —
губырськем пересьлэн киосыз,
лодыса тугаськем интыме,
бугоре черсозы.

*я свалывшаяся стриженная **шерсть** барана —
руки сгорбленной старушки,
теребя свалывшиеся пряди (место),
спрядут их в клубок [34, с. 8].*

Тот «вещный мир», что в цитате мы выделили жирным шрифтом, в XXI в. воспринимается как этнографическая реалья, тогда как всего полве-

ка назад эти «картинки» были обыденностью деревенской жизни. Вослед «уходящим» и исчезающим деталям быта выхолащивается и обедняется, к сожалению, и удмуртский язык. Сегодня редко кто в удмуртской молодежной среде в полной мере осознает значимость семантической устойчивости слов в сочетании «зуг гонэз лодыны» (теребить свалывшуюся шерсть). Для автора подобная языковая точность не является попыткой реконструкции архаики, она есть выражение его генетической языковой памяти и этнокультурного кода.

Суммируя наблюдения над поисками исследуемых авторов литературного рубежного периода, следует заметить, что удмуртская поэзия демонстрирует многообразие и неоднородность, связанную с неограниченной эстетической и этической свободой современного художника. Мы говорим о той мере свободы, которая не может препятствовать ни желанию автора следовать той или иной этнокультурной или литературной традиции, ни желанию разрушить ее.

Поэтическая практика М. Федотова, Э. Батуева, С. Матвеева, З. Рябининой, А. Шумиловой, чьи индивидуально-творческие почерки наиболее репрезентативны в плане преломления культурогенных, жанрово-стилевых, образных и этнически маркированных явлений и фактов, демонстрирует закономерности происходящих трансформаций в недрах современной удмуртской литературы, вовлеченной в контекст европейского искусства и новейших явлений медийной культуры.

Список литературы

- 1 Арзамазов А.А. Удмуртская поэзия второй половины 1970 — начала 2010-х годов: человек, природа, город. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2015. 336 с.
- 2 Батуев Э. Гольик = Обнаженность. Ижевск: Удмуртия, 1995. 68 с.
- 3 Батуев Э. Сюлэмлэн сэрге ярьёсыз = Ребристые берега души. Ижевск: Удмуртия, 2009. 416 с.
- 4 Батуев Э. Уйшор вуюись = Ночная радуга. Ижевск: Удмуртия, 2005. 368 с.
- 5 Батуев Э. Тень моей жизни. Ижевск: Тодон, 1996. 87 с.
- 6 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
- 7 Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. 336 с.
- 8 Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.
- 9 Душенкова Т.Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2013. 168 с.
- 10 Зуева А.С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1997. 372 с.
- 11 Ильина Н.В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980–1990 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2006. 168 с.
- 12 Киришаум Г. Поэзия на переломе: основные тенденции поэзии после 1989 года в России и Германии // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 403–411.
- 13 Колчева Э.М. Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. 164 с.
- 14 Красильников А.Г. Культурологические исследования удмуртского этноса: язык, фольклор, литература. Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО УР, 2009. 104 с.
- 15 Лейдерман Н., Липовецкий М. Между хаосом и космосом // Новый мир. 1991. № 7. С. 240–258.
- 16 Матвеев С. Лул = Душа. Ижевск: Удмуртия, 1994. 128 с.
- 17 Матвеев С. Чурьт пус = Твердый знак. Ижевск: Удмуртия, 1999. 160 с.
- 18 Матвеев С. Инсьор портмаськонъёс = Космические мистерии. Ижевск: Удмуртия, 2011. 286 с.
- 19 Новиков В. Литературные медиаперсоны XX века. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. 240 с.
- 20 Рябинина З. Улэмлэсь но кема... = Дольше жизни. Ижевск: Удмуртия, 2004. 63 с.
- 21 Салламаа Кари. Философия и эстетика этнофутуризма // VI Международный конгресс финно-угорских писателей: сб. докладов и выступлений. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 19–27.
- 22 Смирнов И.П. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛЮ, 1994. 352 с.

- 23 Султанов К.К. Национальная самобытность и художественная ценность: к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 2. С. 230–251.
- 24 Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.
- 25 Федотов М. Вось = Боль. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 с.
- 26 Федотов М. Вирсэр = Пульс. Ижевск: Удмуртия, 1998. 215 с.
- 27 Хузангай А.П. Без иллюзий: мой современник. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2017. 255 с.
- 28 Шибанов В.Л., Кондратьева Н.В. Черты этнофутуризма и постмодернизма в современной удмуртской литературе // *Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития*. Ижевск: УдГУ, 1999. С. 258–289.
- 29 Шибанов В.Л. Зигзаги современности, или Ростки этнофутуризма в удмуртской литературе // *Литературная Россия*. 2002. 13 сентября. С. 10–11.
- 30 Шибанов В.Л. Некоторые трактовки этнофутуризма в Удмуртии // *Инвожо*. 2003. № 6–7. С. 81–83.
- 31 Шибанов В.Л. Этнофутуризм в удмуртской литературе // VI Международный конгресс финно-угорских писателей: сб. докладов и выступлений. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 57–60.
- 32 Шибанов В.Л. Этнофутуризм или постмодернизм? // *Вестник Удмуртского университета*. 2005. № 12. С. 31–37.
- 33 Шибанов В.Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // *Вестник Удмуртского университета*. 2007. № 5 (1). С. 163–168.
- 34 Шумилова А. Дыр-эктон = Пляска времени = Дрожь. Ижевск: Удмуртия, 2015. 84 с.
- 35 Эйхенбаум Б.О. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969. 554 с.

References

- 1 Arzamazov A.A. *Udmurtskaia poeziia vtoroi poloviny 1970 — nachala 2010-kh godov: chelovek, priroda, gorod* [Udmurt poetry from the second half of the 1970s till the beginning of the 2010s: human, nature, and the city]. Izhevsk, In-t komp'iuternykh issledovaniy Publ., 2015. 336 p. (In Russ.)
- 2 Batuev E. *Obnazhennost'* [Nude]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1995. 68 p. (In Udmurt)
- 3 Batuev E. *Rebristye berega dushi* [Ribbed shores of the soul]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 2009. 416 p. (In Udmurt)
- 4 Batuev E. *Nochnaia raduga* [Night rainbow]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 2005. 368 p. (In Udmurt)
- 5 Batuev E. *Ten' moei zhizni* [The shadow of my life]. Izhevsk, Todon Publ., 1996. 87 p. (In Udmurt)
- 6 Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 444 p. (In Russ.)
- 7 Gerd K. *O nei ia pesn' poi...: Stikhi i poemy, stat'i i pis'ma* [My song is about her...: Poems, articles and letters]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1997. 336 p. (In Russ.)
- 8 Domokosh P. *Istoriia udmurtskoi literatury* [History of Udmurt literature]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1993. 448 p. (In Russ.)
- 9 Dushenkova T.R. *Neomifologizm v udmurtskoi poezii serediny 1990-kh godov* [New mythology in Udmurt poetry of the mid-1990s]. Izhevsk, In-t komp'iuternykh issledovaniy Publ., 2013. 168 p. (In Russ.)
- 10 Zueva A.S. *Udmurtskaia literatura v kontekste iazycheskikh i khristianskikh traditsii* [Udmurt literature within the context of pagan and Christian traditions]. Izhevsk, Izd-vo Udmurtskogo un-ta Publ., 1997. 372 p. (In Russ.)
- 11 Il'ina N.V. *Khudozhestvennyi mifologizm besermianskogo poeta M. Fedotova v kontekste udmurtskoi literatury 1980–1990 gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [Poetic mythology of the Beserman poet M. Fedotov in the context of Udmurt literature of the 1980s–1990s: PhD thesis]. Cheboksary, 2006. 168 p. (In Russ.)
- 12 Kirshbaum G. *Poeziia na perelome: osnovnye tendentsii poezii posle 1989 goda v Rossii i Germanii* [Poetry at the turn: trends in poetry after 1989 in Russia and Germany]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, no 125, pp. 403–411. (In Russ.)
- 13 Kolcheva E.M. *Etnofuturizm kak iavlenie kul'tury* [Ethno-futurism as a cultural phenomenon]. Ioshkar-Ola, Mariiskii gos. un-t Publ., 2008. 164 p. (In Russ.)
- 14 Krasil'nikov A.G. *Kul'turologicheskie issledovaniia udmurtskogo etnosa: iazyk, fol'klor, literature* [Cultural studies of Udmurt ethnos: language, folklore, and literature]. Izhevsk: Izd-vo IPK i PRO UR Publ., 2009. 104 p. (In Russ.)
- 15 Leiderman N., Lipovetskii M. *Mezhdru khaosom i kosmosom* [Between chaos and cosmos]. *Novyi mir*, 1991, no 7, pp. 240–258. (In Russ.)
- 16 Matveev S. *Dusha* [The soul]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1994. 128 p. (In Udmurt)

- 17 Matveev S. *Tverdyi znak* [The hard sign]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1999. 160 p. (In Udmurt)
- 18 Matveev S. *Kosmicheskie misterii* [Cosmic mysteries]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 2011. 286 p. (In Udmurt)
- 19 Novikov V. *Literaturnye mediapersony XX veka* [Media personalities in literature of the 20th century]. Moscow, Izd-vo "Aspekt Press" Publ., 2017. 240 p. (In Russ.)
- 20 Riabinina Z. *Dol'she zhizni* [Longer than life]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 2004. 63 p. (In Udmurt)
- 21 Sallamaa Kari. Filosofii i estetika etnofuturizma [Philosophy and aesthetics of ethno-futurism]. *VI Mezhdunarodnyi kongress finno-ugorskikh pisatelei: sb. dokladov i vystuplenii* [6th International congress of Finno-Ugric writers: proceedings]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2001. pp. 19–27. (In Russ.)
- 22 Smirnov I.P. *Psikhoistoriia russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei* [Psycho-history of Russian literature from Romanticism to modern times]. Moscow, NLO Publ., 1994. 352 p. (In Russ.)
- 23 Sultanov K.K. Natsional'naia samobytnost' i khudozhestvennaia tsennost': k voprosu o vzaimodopolniaemosti etnokul'turnogo diskursa i aksiologicheskogo podkhoda [National Specificity and Artistic Value: At the Crossroads of Ethnocultural Discourse and Axiological Critique]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 2, pp. 230–251. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251
- 24 Tynianov Iu.N. *Literaturnaia evoliutsiia. Izbrannye trudy* [Literary evolution. Selected works]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 496 p. (In Russ.)
- 25 Fedotov M. *Bol'* [The pain]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1991. 144 p. (In Udmurt)
- 26 Fedotov M. *Pul's* [The pulse]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1998. 215 p. (In Udmurt)
- 27 Khuzangai A.P. *Bez illiuzii: moi vremennik* [No illusions: my chronicle]. Cheboksary, Chuvashskoe kn. izd-vo Publ., 2017. 255 p. (In Russ.)
- 28 Shibanov V.L., Kondrat'eva N.V. Cherty etnofuturizma i postmodernizma v sovremennoi udmurtskoi literature [Features of ethno-futurism and postmodernism in modern Udmurt literature]. *Udmurtskaia literatura XX veka: napravleniia i tendentsii razvitiia* [Udmurt literature of the 20th century: directions and tendencies of its development]. Izhevsk, UdGU Publ., 1999, pp. 258–289. (In Russ.)
- 29 Shibanov V.L. Zigzagi sovremennosti, ili Rostki etnofuturizma v udmurtskoi literature [Zigzags of the present, or Sprouts of ethno-futurism in Udmurt literature]. *Literaturnaia Rossiia* [Literary Russia], 2002, 13 September, pp. 10–11. (In Russ.)
- 30 Shibanov V.L. Nekotorye traktovki etnofuturizma v Udmurtii [Some interpretations of ethno-futurism in Udmurtia]. *Invozho*, 2003, no 6–7, pp. 81–83. (In Russ.)
- 31 Shibanov V.L. Etnofuturizm v udmurtskoi literature [Ethno-futurism in Udmurt literature]. *VI Mezhdunarodnyi kongress finno-ugorskikh pisatelei: sb. dokladov i vystuplenii* [6th International congress of Finno-Ugric writers: proceedings]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2001, pp. 57–60. (In Russ.)

- 32 Shibarov V.L. Etnofuturizm ili postmodernizm? [Ethno-futurism or postmodernism?] *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2005, no 12, pp. 31–37. (In Russ.)
- 33 Shibarov V.L. Etnofuturizm: mezhdru arkhaiskim mifom i evropeiskim postmodernizmom [Ethno-futurism: between the archaic myth and European postmodernism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2007, no 5 (1), pp. 163–168. (In Russ.)
- 34 Shumilova A. *Drozhd'* [Shiver]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 2015. 84 p. (In Udmurt)
- 35 Eikhenbaum B.O. *O poezii* [On poetry]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1969. 554 p. (In Russ.)